

Собачья жизнь

Что ж, камин затоплю, буду пить,

Хорошо бы собаку купить.

И. Бунин

Артемон медленно, но верно умирал. Другие собаки прогнали его из теплого, освещенного царства метро в ноябрьскую Москву, с ее слякотью, мокрым снегом и пробирающим до костей ветром. Шерсть у пса была изодрана, а на левом боку и вовсе выпадала, сама по себе. Полуоткушенное в схватке за место в метро ухо нагноилось и сильно болело. Кроме того, иногда что-то вспыхивало внутри, в самой груди, и Артемон слабо поскуливал. Пес лежал под сомнительным укрытием автобусной остановки, положив некогда породистую голову на грязные лапы, и готовился встретить свою собачью смерть. Он уже знал ее запах, он видел ее несколько раз, когда его соседи по остановке попадали под колеса неосторожного водителя, сдавались болезни или просто беззвучно падали на тротуар, съедаемые холодом извне. Ноябрь выдался морозным и злым, и в Москве умирало много собак. Смерть чаще приходила ночью, а наутро кургузые низкорослые дворники в оранжевых жилетах, лопоча что-то на неизвестном Артемону языке, уносили их трупы неизвестно куда. Вот и сейчас была ночь.

Из темноты вышла высокая, неловкая фигура и, шатаясь, подошла к остановке. От нее несло водкой, потом и отчаянием. Почти поравнявшись с Артемоном, фигура остановилась и, потеряв равновесие, рухнула навзничь. Это был мужчина лет двадцати шести в чудом не разбившихся очках с толстой черной оправой. Мужчина спал. Человечью смерть Артемон никогда не видел, но понял, что та где-то недалеко, и испугался. Человечья смерть показалась ему гораздо страшнее собачьей, даже его собственной. Сам не понимая, зачем, пес встал, подошел и лизнул человека в нос. Тот открыл глаза. Взгляд его, сперва безумный и пустой, приобрел ясность, и человек пьяно сказал:

— Привет. Ты кто?

Пес не ответил. Человек секунду подождал, а затем повторил:

— Ты кто? Как тебя зовут?

Артемон сел на холодный асфальт.

— Ясно. Ин... инкогнито. Тогда будешь... — человек замялся, подыскивая имя, а потом усмехнулся, — будешь Кирилл. А я – Геннадий. Приятно познакомиться.

Человек приподнялся и протянул новореченному Кириллу руку. Пес посмотрел на нее и лизнул пахнущую водкой ладонь.

— Ясно, — опять сказал Геннадий, со вздохом поднимаясь на ноги. — Что у нас? Ночь? Опять ночь... Автобусов нет. Ладно, пошли... Кирилл.

Кириллу ничего ясно не было, но он встал и пошел за человеком.

Шли они недолго, минут двадцать. Потом Геннадий с третьей попытки набрал код у подъезда, и они вошли внутрь. В лифт пес заходить не захотел, но человек легонько подтолкнул его ногой:

— Иди-иди, не бойся. Не буду я тебя резать. Что я, Борменталь какой.

Квартира у Геннадия была маленькая: прихожая, спальня, узкий коридор, санузел и кухня.

— Чувствуй себя как дома, — буркнул человек, скинул на пол куртку, не разуваясь, вошел в спальню и закрыл дверь. Скрипнула кровать, и стало тихо. Кирилл осторожно зашел на кухню. Из холодильника несло тухлятиной. Пес прилег у еле теплой батареи, свернулся в клубок и уснул.

— Еба-ать, — простонал Геннадий, выйдя наутро из комнаты. — Ебать твою блядь.

Пес моментально проснулся, и удивленно поднял все полтора уха. Человек ввалился в ванную, и там его вырвало. Потом еще раз. Потом раздался шум воды.

Геннадий вышел из ванной и зашел на кухню, держа в руке пачку таблеток. Налил в стакан воды из-под крана, выдавил на ладонь два белых кругляшка, кинул в рот, запил. Подумал и послал им вдогонку еще один. Потом он заметил Кирилла.

— Ебать! — прозвучало на этот раз удивленно. — Что вчера было-то? Ты кто вообще?

Пес замахал хвостом.

— А, вспомнил! — сказал человек. — Кирилл. Кирилл Кирилыч Кирилюк. Ни хера не помню, а тебя помню. Ну, доброе утро, Кирилл. Как спалось?

Пес встал на ноги.

— Ты прав, братишка, — кивнул Геннадий. — Сейчас мы чего-нибудь пожрать сообразим.

Человек открыл холодильник, и кухню заполнил тяжелый, мутный запах.

— Ну, ептыть, — расстроился человек. — Помидоры заколосились. Всюду жизнь, бля.

Кинув под раковину пахучий пакет, он достал из холодильника три яйца, полпачки камамбера, красный сладкий перец и огрызок салями, а потом, подумав, початую бутылку водки.

— Яичницу по-халдейски будешь? – спросил Геннадий и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Почему по-халдейски? Ну как, все мы в чем-то халдеи. И ты, и я. Хотя бы отчасти. Мама русская, папа халдей. Так и живем. А ежли какой-то халдей яичницу приготовит, она и будет по-халдейски, верно?

На сковородке вкусно зашипело, и человек заметался по кухне в поисках соли.

— О, Солон, Солон, Солонка, — запричитал он. — Знаешь, кто такой Солон, братишка? Эх, чему вас только учат. Солон, Кирюха, это древнегреческий бог соли. И когда, к примеру, кто-нибудь недосоленную яичницу ест, он должен сказать: «О, Солон, Солон, Солон!» — и тогда ему сразу вкуснее станет. Или вот, слушаешь ты длинную байку, как сейчас, и все думаешь: «Где же тут соль?» — тоже можешь это сказать. Но, боюсь, тебя не поймут. Ведь мы не в Древней Греции. Готово!

Геннадий снял дымящуюся сковороду с плиты, разделил вилкой яичницу на две части, плюхнул одну из них в глубокую суповую тарелку и поставил ее на пол.

— Ешь давай, пока не остыло.

Кирилл накинулся на яичницу, давась и обжигаясь.

— Не торопись, — засмеялся человек. — Не убежит. А вообще, хорошо, что я тебя сюда приволок. Сидел бы сейчас один, разговаривал бы сам с собой. А это, друг мой ситный, первый признак шизофрении. Это мне одна умная женщина сказала, не чета нам с тобой. Ну, что ты смотришь на меня, как арап на Петра Великого? Петра-то хоть Первого знаешь?

Пес промолчал.

— Ну, как же? Прорубил окно в Европу? Разбил шведа под Полтавой? Дедушка этого, как его... всех октябрят? Ну?

Пес стыдливо потупился.

— Не зна-аешь? Ну, брат, так нельзя. В этой жизни, Кирюх, вообще много чего можно. Например, можно быть завкафедрой и профессором русской филологии, и при этом полным мудаком. Можно? Можно. Можно выйти замуж за одного человека, а спать с другим. Можно? Можно. Но вот Петра Первого, брат, не знать уж никак не можно. В пушкинские годы у нас за это чик – ноги отрубали. Пол-Москвы на тачках ездило. Это я тебе, голуба, говорю как пушкинист. Выгнать бы тебя взашей за такой пробел в образовании. Впрочем, оставляю. Только сначала помою, а то амбре от тебя, брат, почти как от тех помидоров. Вот после завтрака и займемся. Кстати, о.

И человек протянул руку к бутылке водки. Отвинтил крышку, подумал, и плеснул Кириллу в вылизанную до блеска тарелку, а потом сам сделал большой глоток. Пес понюхал прозрачную жидкость и посмотрел на человека.

— Мда, ты прав, — сказал тот, поморщившись, — умен не по годам. Нефиг пить эту гадость, запой и так затянулся больше, чем следовало.

Он поднял миску с пола, открыл форточку и выплеснул водку наружу. А потом выбросил туда и всю бутылку. Раздался звон битого стекла, злобный крик бомжа, а потом еще один — обиженный и недоумевающий. Это бомж понял, что выкинули водку.

— Пошли, — сказал Геннадий, — в Умывальни.

Кирилл безропотно позволил посадить себя в ванную и окатить теплой струей из душа. Человек выдавил на руку шампуня и намылил пса, внимательно рассматривая со всех сторон.

— Эге, а ухо-то у тебя плохое. Его бы промыть бы и продезинфицировать хорошо, а то еще хуже будет. Водку-то я, оказывается, зря выкинул. Никогда не знаешь, для чего эта дрянь пригодится. Ну ладно, не скули, не буду ухо трогать. У нас тут клиника недалеко ветеринарная, высохнешь — сходим. Тебя, небось, еще прививать придется. Хотя, ты, мокрый, даже на породистого смахиваешь, может, привит уже. Значит, потерялся? Ты чьих будешь, а? I am his Highness' dog at Kew; pray tell me, sir, whose dog are you?

Своих хозяев Кирилл не помнил, и ответить Геннадию не смог. От них осталось только ускользающее теперь в небытие имя Артемон, да чувство той безумной паники и страха, которое он испытал, когда потерял их. Словно из легких вдруг исчез весь воздух, и больше никогда там не появлялся, как бы глубоко Кирилл не вдыхал.

— Мда, породистый, вот только какой породы? Кто ты у нас, ну-ка? Белый Бим Черное Ухо? На сеттера не тянешь. Каштанка? Если честно, по цвету больше похож на Какашку. Ну ладно, не обижайся. Главное, чтоб не Му-Му. Но Му-Му была спаниелем, тебе это не грозит. Ну, будем вытираться?

На двери в ванную висело два полотенца: простое бежевое и махровое темно-зеленое. Геннадий, подумав, взял второе, мстительно заметив:

— Ей оно уже не понадобится.

Пока пес обсыхал, человек взял телефонную трубку и по памяти набрал номер. Кирилл краем уха подслушивал его односторонний разговор.

— Але? Да! Привет! Что? Нет, не пьяный. Вот те крест. Ты меня, это, оскорбляешь своим недоверием, муфлон ты вяленный. Да. Вот, слушай, я чего звоню. Иду я вчера ночью домой... Да, пьяный, отъебись. Иду, значит, домой. И в какой-то момент у меня все теряется. Провал в памяти, понимаешь? Да пиздец. Помню только собаку какую-то

ободранную. Ну, слушай. Сегодня утром просыпаюсь – эта псина у меня дома сидит. Ледащий – соплей перешибешь. Это я его, значит, вечером в жопу пьяный подобрал. Пожалел скотинку. И теперь у тебя спросить хочу, что с ним делать? Какую живодерню, ты что, охуел? Я его оставить хочу. Ну да, поэтому тебе и звоню – у тебя ж Долька была. Кобель, да. Смышленный. Ага. Да погоди, три раза в месяц, ты мне скажи, что они жрут-то? А то я этому сегодня яичницу по-халдейски сделал... Да не ржи ты, у меня все равно больше ничего не было. Дома три яйца осталось, два из них – мои... Да, очень смешно. Остроумно донельзя. Юморист хуев. Не, правда, что они жрут? Ага. Ага. Ясно. Спасибо. Да, мы и так собирались – у него на ухе какая-то дрянь. Не, не бешеный. Да. Хер его знает, какая, он не признается. А я только бульдога различаю, по сходству с Черчиллем. Ладно, давай, спасибо. Да. Не буду. Моралист, бля. Да. Пока.

— Ну что, Кирюха, — сказал Геннадий псу, повесив трубку. — В путь-дорогу собирайся. До ветеринара, за хавкой и назад.

Тут зазвенел телефон, противно и настойчиво. Человек кивнул псу – мол, не боись! – и поднял трубку.

— Да? Привет, Наташ, – голос его поскучнел, и сам он как-то весь подобрался. – Да, все хорошо. Как у вас? Нет, не пьяный. Да. Что? Какую люстру? Ах, бабушкину. Тогда конечно, бабушкину забери. Да. Нет. Угу. Угу. Да ладно тебе, Наташка, я же все понимаю. У вас там чистая любовь, высокие чувства, а мне носки стирай. Я, между прочим, отлично в них разбираюсь, в высоких чувствах. Их у Сан Сергеича, знаешь, сколько было? Сто тридцать, и все высокие. Только он один низенький был, метр, шестьдесят семь... Ладно, Кириллу привет передавай. И чтоб он сдох.

Услышав свое имя, пес поднял голову, но Геннадий махнул рукой – мол, не тебе.

— Да, — продолжил он. — Ладно. Я сейчас ухожу, вернусь часа через два. Целую твою безжалостную щеку. Пока.

Человек спокойно повесил трубку, а потом швырнул телефон в стену. Обулся, надел куртку и сказал псу:

— Пошли.

Пока Геннадий утрамбовывал вонючий пакет с помидорами в мусоропровод, на лестничной площадке материализовалась соседка. Она внимательно рассмотрела Кириллу, и они друг другу взаимно не понравились.

— Что это вы, Гена, собаку завели?

— А я не заводил, Маргарита Степановна. Он сам завелся.

— Как это – сам?

— А как, вон, мыши заводятся?

— Где мыши?

— Да в вашу квартиру одна забежала.

— Дошутитесь, Польшаев. Будет пачкать или шуметь – пожалуюсь.

— Идите вы на хуй со своими жалобами, Маргарита Степановна, — искренне и с облегчением сказал Геннадий.

Соседка покраснела и испарилась.

— И вот на таких – страна держится, — объяснил человек псу. – Понимаешь теперь, что у нас за страна?

Пес это отлично понимал.

Они вышли на улицу и за десять минут дошли до метро. Внутри пес заходить наотрез отказался – помнил заданную там взбучку и знал, что случится, покажи он там нос еще раз. Человек уговаривал:

— Ну, пошли. Ну, чего ты? Обижали там тебя? Корейцы там, что ли сидят? Пирожки «Гав-гав»? Ну, давай, давай, поверху переходить задолбаешься. Ничего с тобой не случится, я тебе обещаю.

Пес подумал, а потом осторожно шагнул на запрещенные ступеньки.

— Ну и ну, — развел руками человек. – Все-то ты, обормот, понимаешь.

Днем в метро собаки жались к стенам. Там было немного теплее. Завидя Кирилла, некоторые из них ощерились и угрожающе рычали, а вожак стаи, здоровый кабыздох без человеческого имени, начал яростно гавкать. Подойти, впрочем, никто не осмелился: Кирилл был с человеком, а человек был табу.

— Ничего себе, — сказал Геннадий, когда они поднимались по лестнице из страшного перехода. – Это они тебе, ухо-то? Чем же ты им так досадил? Дочку вождя, что ли, трахнул? Или это у вас классовая ненависть? Или, может, ты, Кирюха, еврей?

Пес, по обыкновению, не ответил.

Ветклиника находилась в двух минутах ходьбы от метро, на первом этаже большого жилого дома. Кириллу там сразу не понравилось: пахло собачьей болью, страхом и немного смертью. Но место плохим не было, и пес, поколебавшись, вошел внутрь.

— Так держать, — одобрил человек. — Доктор пришлет тебе новые ушки, и опять, эээ, будешь спать на подушке.

Очереди не было, и они прошли прямо в приемный кабинет. Доктором оказалась молодая девушка с туго заплетенной косой. Завидев Кириллу, она ахнула, а потом командным голосом приказала:

— Ставьте его немедленно сюда.

Геннадий легко поднял пса и взгромоздил его на низенький стол. Кирилл безропотно снес это издевательство. Маленькие, сильные руки в холодных резиновых перчатках стали ощупывать его живот. Страшно не было, от девушки пахло духами и искренней заботой.

— Как зовут? — спросила она.

— Геннадий. Геннадий Полыхаев, пушкинист четвертого разряда.

— Да не вас, собаку как зовут.

— Кирилл.

Ветеринар укоризненно посмотрела на Геннадия.

— Нет, правда, Кирилл. Кирюш, ну, скажи что-нибудь.

Пес неуверенно повил хвостом.

— В честь Мефодия, что ли? Ну кто так собаку называет?

— Я. В знак протеста кровавому режиму тузиков. А вас как зовут?

— Белкина. Надежда Александровна.

— В честь повестей? Да уж, быстрая как выстрел, холодная как метель...

— Веселая как гробовщик. Подержите собаку.

— У него тут ухо...

— Ухо — последняя из его проблем, — девушка достала стетоскоп.

Холодная блямба дотронулась до Кириллу, и он, было, вздрогнул, но Геннадий положил ему на голову руку, и пес стал думать об этой руке.

— Дыши, брат, — сказал Геннадий. — Дыши полной грудью.

Щеки девушки слегка порозовели. Наконец, она отложила стетоскоп в сторону и подошла к стенному шкафу.

— Ну что, доктор?

Она достала из ящичка маленький шприц и склянку.

— Все очень плохо. У него острейшая сердечная недостаточность, шумы в легких, пневмония, стригущий лишай на левом боку, наверняка что-то еще. Я кровь на анализ возьму, через два дня зайдете. Ухо зараженное, я его промою сейчас. Удивительно, что пес еще жив, — она сердито посмотрела на Геннадия, как будто он был во всем виноват.

Кирилл безропотно лег на бок. Игла мягко вошла под кожу, в склянке начала скапливаться темная жидкость. Взяв кровь, девушка достала из шкафа ватку, йод, бинт и пластырь.

— Подержите его, сейчас будет больно, — сухо сказала она. — Перчатки только наденьте.

Перчатки оказались малы, и Геннадий, не слушая возражений, держал пса голыми руками. Было действительно больно, и пес зажмурился и иногда попискивал, но лежал смиренно.

— Доктор, а какой он породы? — вдруг спросил Геннадий.

— А это помесь. Лабрадора и длинношерстой немецкой овчарки.

— Главное, чтобы не сенбернара и чихуахуа. — Никто не засмеялся, и Геннадий обратился к Кириллу, — слышал, помесь? То ни одной поды не было, а то сразу две. Как тебя звать-то теперь, овчадор?

— Лабчарка, — неожиданно сказала девушка.

Глаза у Кирилла были закрыты, но он знал, что Геннадий улыбнулся.

Наконец, мучения были окончены, на ухе появилась неудобная повязка, и девушка сняла перчатки и села за письменный стол.

— Значит, я вам выпишу мазь и два вида таблеток. Вот это и это у нас тут купите, а это в любой аптеке продается, там дешевле будет. Мазь втирать аккуратно, в левый бок, по всей площади облысения, пару раз в день. Таблетки после еды, смотрите, чтоб глотал. Зайдете, когда анализы будут, посмотрим, что делать. На всякий случай — вот телефон приемной. Вот это — оплатите на входе. Все.

— Спасибо, Надежда Александровна. Вы не смотрите, что я дурак небритый. Я зато веселый.

— Обхохочешься. До чего собаку довели.

— Так я ж его ночью только подобрал. Спас от неминуемой гибели в крошечном аду, который есть Москва. Да мне орден нужно дать. За гуманизм.

— И дело мира. Идите, Геннадий. Зайдете через два дня.

— А собаку брать?

— Следующий!

— Эх, скорей бы два дня прошли, — сказал Геннадий, когда они вышли на улицу. — Видал, как на меня смотрела? В глазах огонь – у-ух! И коса... Знал бы ты, какой это кайф, расплести девушке косу, виток за витком. Вот когда... а, ладно, — осекся он, помрачнев. — Что с тобой говорить, все равно не поймешь. Сейчас говна твоего купим – и домой.

Пес прекрасно все понимал. Ему тоже понравилась доктор Белкина.

В магазин Кирилла не пустили, и он смиренно ждал Геннадия снаружи. Тот вышел с большим мешком.

— Истратил на тебя, брат, последние деньги. Будешь сушняк жевать, с семью витаминами и всеми необходимыми для вашей собаки минералами. Ну и ладно, мне, кажись, позавчера статейку на перевод подсунули. Ночь посидеть, и мы еще поживем. Пошли домой. Аптека у нас на углу была, когда я в последний раз проверял.

Дома человек насыпал в ту же суповую тарелку сухого корма, залил водой и сказал:

— Энджой. А мне не мешай, я работаю.

Пес плакал из тарелки воду и лег рядом. Аппетита не было.

Через полчаса в дверь позвонили. Геннадий, невнятно матерясь, пошел открывать. На пороге стояла молодая женщина, из-под сильного запаха духов пробивались страх, неуверенность, неприязнь.

— Привет, Наташ, — тихо сказал Геннадий. Он тоже пах страхом.

— Ген... ты как,

— Как видишь. Цвету и пахну. Ты заходи.

— Я ненадолго. Только поговорить.

— И люстру не забудь.

— Да... — женщина уже почти вошла в кухню, когда увидела Кирилла.

— Что это?

— Это моя душа. Отделилась от тела, пока ты паковала чемоданы. Видишь, какая потрепанная?

— Перестань. Зачем ты привел эту псину?

— Это не псина, а друг человека. Зовут Кирилл. Тебе должно понравиться.

— Ну что за детский сад, Гена. Я пришла с тобой серьезно поговорить.

— Вот потому я тебя и разлюбил, — ответил Геннадий торжественно. — Ты приходишь только за этим.

Женщина развернулась и ушла, возмущенно хлопнула входная дверь.

— Вот так вот, — сказал человек псу. — Я, можно сказать, душу ей открыл, впервые в нелюбви признался, а она? Не женись, Кирюха, мой тебе совет. Не мужское это дело. И сам пропадешь, и бабу хорошую испортишь. Она ж не вредная была, Наташка, веселая. Любил ее жутко. Стихи писал. Да я и сейчас могу, — оживился он, — какие наши годы. Вот, слушай:

Вот, в квартире, ночью темной, умирает пушкинист,

Перед ним лежит лишь ручка и бумаги смятый лист.

Голодает третьи сутки, и из денег лишь алтын.

На листке рукой нетвердой он выводит: «сукин сын».

Ну как? Экспромт. Мрачновато, конечно, но зато отражает сложившуюся действительность. Остросоциальная, так сказать, сатира. Да и ты, кстати, тоже сукин сын. Может, мне тебя лучше изучать?

Пес слабо махнул хвостом. Его мутило и кололо под сердцем.

Темнело. Пес лежал на кухне под батареей. Человек в комнате стучал клавишами компьютера, изредка отвлекаясь, чтобы поставить чайник. За окном разухабисто пели частушки, и летала собачья смерть.

Ночью Кириллу стало совсем плохо, даже хуже, чем на остановке. Внутри все горело, было трудно дышать, и пес жалобно, хрипло стонал. Геннадий сидел на корточках рядом с ним, гладил его и ненавидел собственное бессилие. По оставленному доктором телефону он звонил уже трижды. Там не отвечали. Иногда он смачивал полотенце водой и вытирал Кириллу морду. Это немного сбрасывало жар, но боль не утихала. Наконец, таблетка анальгина, которую Геннадий заставил его проглотить, подействовала, и пес провалился в мутный, тяжелый сон, наполненный невнятными образами и болью.

Утром Кирилл проснулся оттого, что Геннадий, приглушенно матерясь, перетряхивал антресоли. Боль не прекратилась, но ушла куда-то вглубь, и переносить ее стало немного легче.

— Привет, братишка, — сказал человек, увидев, что пес не спит. — А я вот сумку ищу. Не все же эта дура себе забрала. Сейчас поедешь в клинику с комфортом. О! — он торжествующе выбросил на пол что-то грязное и пустое. — Немного пыльное, но нам не до капризов.

Геннадий принялся отряхивать что-то, оказавшееся брезентовым баулом.

— Это мое походное, — объяснял он, — мы лет пять назад, с Наташкой, Гришкой, Кириллом, — он помолчал, потом продолжил, — Андреем Чекмаевым с журфака, Ленкой Потаповой, Томкой, еще с кем-то... Мы на Кавказ ездили, по пушкинским местам, так сказать. Хорошо там, брат, красиво. Вот, отвяжусь я от мудака-профессора, пару статей переведу, и поедем туда с тобой. И врачуху твою возьмем. Хуле ж ее не взять, такая коса... Ну-ка, залезь.

Пес попробовал встать, но тело его не слушалось. В сердце глубоко сидело раскаленное шило. Кирилл хрипло откашлялся и виновато посмотрел на Геннадия.

— Блядь, — сказал тот. — Блядь. Ну ладно. Значит, так.

Человек взял пса в охапку и положил в сумку. Передние ноги не влезали.

— Хрен с ним, — человек застегнул баул.

Молния еле-еле доходила Кириллу до холки. Из сумки торчало полсобаки.

— Хрен с ним, — повторил человек. — Большую сумку она забрала. И так дойдем.

Геннадий повесил сумку за лямки на плечо так, что пес оказался у него подмышкой, и вышел из квартиры. В ней как назло проснулся и заверещал телефон, но человек захлопнул дверь.

— Поедем с тобой на Кавказ, — рассказывал он псу в лифте. — На гору Машук. Там Лермонтова застрелили, знаешь? Пушкин и застрелил. А потом и сам – бух! От безнадёги.

Дорога до метро заняла всего минут пять. Геннадий, поддерживая Кирилла под брюхо, то и дело переходил на бег. В переходе пса провожали взглядами сородичи. На этот раз все молчали. Безымянный вожак стаи смотрел злорадно. Кирилл не обижался – он знал, что ему лучше, чем им всем, и они это тоже знали.

В приемной, куда ворвался Геннадий с псом под мышкой, сидело человека три.

— Мне к доктору Белкиной! – крикнул он, и невзирая на робкое «У нее пациент», уверенно пошел по коридору. Там была небольшая очередь. Бесцеремонно растолкнув возмущенных старух, он уже почти подошел к кабинету, как путь ему преградил здоровяк. На руках он держал таксу, обмотанную пуховой шалью.

— Очередь, — сказал он, почти закрывая собой дверь.

— Мне назначено, — зло ответил Геннадий.

— Очередь, — повторил здоровяк.

— Уйди, мужик, — сказал Геннадий.

Здоровяк посмотрел ему в глаза и решил не связываться.

В кабинете была дама с кошкой, а доктор сидела за столом и выписывала рецепт. Завидев Кирилла, кошка с мявом выскочила в коридор, дама кинулась за ней. Геннадий захлопнул дверь ногой. Белкина подняла голову.

— Вы опять, — сказала она осуждающе.

— Ему очень плохо.

Геннадий аккуратно положил сумку на стол и расстегнул молнию. Пес не двигался и только тихонько скулил. Снова холодные перчатки, снова стетоскоп.

— Он умирает, — сказала девушка.

— Нет.

— Он умирает, — повторила она.

— Сделайте что-нибудь.

— Я не могу. И никто не может. Ему остались часы, может – день. Его нужно усыпить.

— Нет, — сказал Геннадий хрипло.

— Пожалейте его.

Геннадий посмотрел ей в глаза. Потом кивнул.

— Смотрите, — сказала девушка, доставая из шкафа какие-то ампулы. — Это — сильное снотворное. Это — хлорид калия, останавливает сердце, — она пощелкала ногтем по игле шприца. — Сначала одно, потом второе. Он ничего не почувствует.

— Поддержать его?

— Необязательно.

Но Геннадий все равно подошел и взял голову пса в свои руки. Пес, щурясь, смотрел на хозяина.

— Раз, — сказала девушка.

Игла мягко вошла под кожу.

— ...Два.

Кирилл закрыл глаза. Боль отступала. Смерти не было. На краю сознания он еще слышал неожиданно робкий и испуганный голос девушки.

— Ну что же вы... не надо... Это всего лишь собака...

Потом стало тихо.